

Погоня за вечностью

Метафизическое введение

Обычные вещи иногда существуют, а иногда нет. Я беру и выкуриваю сигарету. Сигарета была, а затем ее не стало. Или Полина берет карандаш и рисует линию. Линии не было, и вот она появилась. События начала и конца существования, рождения и смерти вещей кажутся удивительными. (Одна из загадок, например, такая: какую часть сигареты нужно выкурить, чтобы она превратилась в окурок?) Однако формально можно помыслить две более простые ситуации, в которых такого рода событий не происходит: некоторых вещей нет никогда, а некоторые другие вещи, наоборот, всегда есть, то есть существуют вечно. Несуществующими вещами мы займемся позже (как могут быть вещи, которых нет?), а пока нас будут интересовать вещи, которые существуют всегда, то есть вечные вещи.

Забота о выживании

Как мы видели, с формальной точки зрения идея вечного возникает очень просто. Однако эта логически тривиальная идея оказывается очень важной для человеческой жизни. Мы обычно не обращаем внимания, когда перестают существовать вещи вроде сигарет (по крайней мере, если можно купить новые), нам не нравится, когда это происходит с любимыми вещами или животными, к которым мы привыкли, нам совсем не нравится, когда умирают любимые и близкие нам люди, и нам обычно очень не хочется умирать самим. Забота о выживании, о продолжении существования (индивидуального и коллективного) это, очевидно, важнейшая забота как людей, так и других животных. Гарантия вечной жизни избавляет от заботы о выживании. Заметим, однако (вслед за Бергсоном), что гарантия вечной жизни дает больше, чем требуется: чтобы быть бессмертным, достаточно, но не необходимо быть вечным. Забота о выживании направлена на то, чтобы жить бесконечно долго в будущем, а то обстоятельство, что я родился когда-то в прошлом и что, следовательно, мир существовал, когда меня еще в нем не было, меня не слишком заботит, хотя и удивляет. Человеческая мечта о бессмертии

воплощается в образе греческого бога, который празднует дни рождения, но может не думать о похоронах. Религиозные учения, которые обещают вечную жизнь в точном смысле слова делают бессмертие более надежным, поскольку рожденное скорее может погибнуть, и лучший способ избежать смерти состоит в том, чтобы избежать рождения.

Эпистемологическое дополнение

У людей обычная забота о выживании дополняется заботой о выживании знаний. Истинные утверждения очень часто со временем перестают быть истинным, в частности, они становятся ложными или бессмысленными. Сейчас вечер, но скоро наступит ночь и предыдущее утверждение станет ложным (на самом деле это утверждение ложно уже сейчас в НЙ или Владивостоке - я пишу этот текст в Москве - но мы не будем здесь специально рассматривать пространственный аспект проблемы). Кофе, который я только что себе приготовил, пока горячий, но после того, как я его выпью, предыдущее предложение окажется неправильно построенным. Чтобы его исправить, мне нужно будет сказать что-то вроде: кофе, который я себе приготовил вечером 26 апреля 2002 года в четверть девятого *был* еще горячим - или же сварить себе еще кофе. Подчеркнем, что во всех этих примерах речь **не** идет о том, что кто-то считает истинным то, что потом оказывается ложным. Нет, приведенные примеры это примеры утверждений, которые иногда истинны, а иногда нет независимо от того, кто что по этому поводу думает.

Так происходит со многими утверждениями, которые мы делаем в обычной жизни, однако со *знаниями* дело обстоит иначе. Чтобы считать, что некоторое утверждение выражает знание, мы должны предположить, что это утверждение истинно не только теперь (то есть в то время, когда это утверждение делается), но и всегда в будущем. Во всяком случае именно в этом состоит обычное понимание того, что такое знание, которое восходит по крайней мере к Платону. Идея состоит в том, чтобы обрести долговременные истины, которые можно было бы сообщать другим, преодолевая различия места и времени. (Представь себе, что бы

произошло, например, с математикой, если бы утверждение *дважды два четыре* было бы истинным утром и ложным вечером или истинным в Москве и ложным в НЙ.) Эта идея вдохновила Фреге, который стал считать, что любое истинное утверждение, подходящее для науки и знания, должно быть истинным *всегда*, то есть истинным вечно. Заметим, что это предположение опять дает больше, чем нужно: нужно было только избежать ситуации, когда истинное утверждение перестает быть истинным, и при этом не нужно было требовать, чтобы данное утверждение было истинным в прошлом (или было *бы* истинным в прошлом, если бы это утверждение было тогда сделано). В этом смысле эпистемологическая забота о сохранении знаний совершенно аналогична практической заботе о биологическом выживании, в обоих случаях забота направлена на будущее, а не на прошлое.

С этой точки зрения на знание можно посмотреть как на инструмент (один из многих), дающий людям дополнительные возможности для коллективного выживания, превосходящие возможности выживания отдельного индивида. Цель состоит в том, чтобы выжить вместе с истинными утверждениями в будущем, о прошлом можно забыть. Однако вечно истинные утверждения более надежны, поскольку если некоторое утверждение не было истинным в прошлом, можно ожидать, что оно когда-нибудь опять перестанет быть истинным в будущем. (Несколько замечаний о *временных логиках*. Этот проект возник как попытка решить те проблемы, о которых мы только что говорили: будучи неудовлетворенным Фрегевской идеей вечных утверждений, Прайор решил построить логику обычных утверждений, истинностные значения которых, вообще говоря, меняются во времени. Впоследствии временные логики стали разработанной и специальной областью исследования. Однако мне кажется, что первоначальная проблема Прайора была при этом забыта. Действительно, сейчас временные логики рассматриваются как частный случай модальных логик, которые допускают Крипкевские многомировые семантики. Грубо говоря, это означает, что ситуация *изменения* истинностного значения заменяется статичным образом

расщепленного утверждения, где каждый ломтик имеет свое истинностное значение, и все они сосуществуют в каком-то смысле одновременно.)

Что делает истинные утверждения истинными?

Может показаться, что Фрегевские вечно истинные утверждения легче допустить, чем Платоновские вечные сущности. Допустив вечные утверждения, мы могли бы затем практически ограничить область их употребления временем существования человеческих сообществ, использующих речь и язык, и оставить в стороне вопрос о статусе этих утверждений в то время, когда нет никого, кто был бы способен высказывать и понимать такие утверждения. Однако ситуация осложняется как только мы принимаем *принцип производства истины*, согласно которому когда истинно некоторое утверждение, *существует что-то* (какая-то вещь, сущность), которая *делает истинным* это утверждение. Когда мы имеем дело с выдуманными вещами, бывает трудно сказать, истинно или нет какое-либо утверждение об этих вещах; часто такой вопрос кажется бессмысленным: правда ли, что Раскольников убил старушку? Чтобы узнать истинно или нет некоторое утверждение (или по крайней мере, чтобы узнать, что некоторое утверждение истинно) мы должны обратиться к реальности. Возможно, существуют какие-то исключения, например, логические истины, однако в случае «фактических» истин этот принцип, очевидно, работает. Утверждение *Полина спит* истинно сейчас (когда я пишу этот текст) именно потому, что Полина сейчас действительно спит, и это утверждение перестанет быть истинным как только Полина проснется. Заметим, что принцип производства истины оставляет открытым вопрос о том, какие именно и какого рода сущности делают истинными те или иные утверждения - являются ли эти сущности объектами, событиями, ситуациями или чем-то еще.

Применяя теперь принцип производства истины к Фрегевским вечным утверждениям, мы должны допустить, что для всякого истинного вечного утверждения должна *всегда* существовать какая-то сущность или какие-то сущности, которая (которые) делает (делают) истинным данное утверждения. Должны ли эти сущности быть вечными? Кажется, этого вывода можно избежать,

предположив, что разные вещи в разное время могут делать истинным одно и то же утверждение. Однако эту возможность приходится отбросить по семантическим причинам. Возьмем утверждение *люди смертны*. Можно предположить, что теперь это утверждение делают истинным наши современники, а 500 лет назад его делали истинным другие люди, которые теперь все уже умерли. Однако даже если оставить в стороне вопрос о том, кто делал это утверждение истинным в то время, когда людей вообще не было, очевидно, что говоря, что люди смертны, мы не имеем в виду только нас и наших современников. Мы имеем в виду, что смертны вообще все люди - которые жили в прошлом, которые живут сейчас и которые будут жить в будущем. Иначе, в частности, школьный силлогизм *люди смертны, Сократ человек, следовательно Сократ смертен*, не имел бы силы, поскольку Сократ уже давно умер. Кроме того, интересная особенность этого примера состоит в том, что мы более достоверно знаем, что *люди смертны* в отношении как раз тех людей, которые уже умерли; раз так произошло с нашими предками, заключаем мы по индукции, то же самое ожидает нас самих и наших потомков.

Вообще говоря, нет ничего необычного в том, что разные вещи в разное время делают истинными одни и те же утверждения. Возьмем, например, утверждение *идет дождь*. Дождь идет в разное время и в разных местах. В разное время и в разных местах идет разный дождь. Разные события или ситуации в разное время и в разных местах делают истинным утверждение *идет дождь*. Однако это утверждение не является вечно истинным: когда дождя нет, оно становится ложным. Истинностное значение утверждения *идет дождь* зависит от того, когда и где оно утверждается. Чтобы приготовить из утверждения *идет дождь* вечное (всегда истинное или всегда ложное) утверждение по рецепту Фреге, нужно указать где и когда именно идет дождь, например: *в полдень 27 апреля 2002 года в Москве идет дождь*. Если это утверждение истинно, его делает истинным только один дождь, только одно событие. И чтобы это утверждение было истинным вечно, это событие тоже должно быть вечным. Подобным образом дело обстоит и в других случаях.

Возьмем зеленое яблоко. Будем считать, что именно это яблоко, а не какая-то другая вещь делает истинным утверждение *это яблоко зеленое*. Предположим теперь, что яблоко стало красным. Изменение, которое произошло с яблоком, привело к тому, что утверждение *это яблоко зеленое* перестало быть истинным. Однако так происходит не всегда. У Сократа может измениться настроение и с ним может произойти множество других изменений, при том что он будет оставаться смертным и продолжать делать истинным утверждение *Сократ смертен*. Тем не менее, чтобы гарантировать, что некоторое истинное утверждение истинно вечно, нам, кажется, не остается ничего другого как допустить, что сущности, которые делают истинным это утверждение не только вечны, но и неизменны. Так допустив Фреговские вечные предложения, мы приходим к Платоновским вечным и неизменным сущностям. Если существуют вечные и неизменные сущности, то утверждения, которые эти сущности делают истинными, будут истинными вечно.

Вечные и неизменные сущности: законы и события

Современное естествознание занимается вещами, которые движутся, изменяются, возникают и исчезают. О каких же вечных сущностях и вечно истинных утверждениях тут может идти речь? На мой взгляд, есть по крайней мере два рода таких гипотетических сущностей и соответствующих им утверждений.

Вместо того, чтобы изучать отдельные вещи наука изучает их поведение. Можно думать, что в отличие от самих вещей общие *формы* поведения вещей остаются неизменными. Утверждения об этих формах называют *законами природы*.

Если дополнительно предположить, что мир существует вечно (то есть что всегда существуют какие-то вещи), то формы поведения вещей окажутся вечными сущностями, а формулировки законов природы - вечно истинными утверждениями об этих сущностях. (Разумеется, многие скажут, что формы поведения вещей в отличие от самих вещей - это производные сущности, в том смысле, что если не было бы вещей, не было бы ни их поведения, ни форм поведения, но не наоборот, однако такого рода подробности сейчас для нас не существенны.)

На самом деле представление о неизменных законах природы (модернизированном варианте Платоновского идей), уже не удовлетворяет современную науку, которая после Дарвина пришла к выводу о том, что в мире со временем может меняться решительно все, и кроме того, что мир (по крайней мере, наблюдаемый мир) существует вовсе не вечно, а когда-то возник и, возможно, когда-то перестанет существовать. Поэтому современные философы нашли более радикальное и гораздо более простое решение, отталкиваясь не от физики с математикой, как их предшественники, а скорее от истории. Рассмотрим утверждение *Брут убил Цезаря*. Что делает истинным это утверждение? Правдоподобный ответ состоит в том, что это *событие* этого убийства. Замечательное свойство событий состоит в том, что они не меняются (хотя сами могут быть изменениями, как, например, изменения погоды), не движутся (хотя сами могут быть движениями, как, например, падение чашки со стола на пол) и не исчезают (хотя сами могут быть исчезновениями, как, например, исчезновение сигареты, которую я только что докурил). Кажется невозможным представить себе, что событие убийства Цезаря со временем перемещается из Рима в Москву или что обстоятельства этого убийства каким-то образом меняются уже после того, как это событие уже произошло. Также кажется невероятным, чтобы это событие каким-то образом исчезло из прошлого, то есть что наша история в будущем изменится таким образом, что окажется, что убийства Цезаря никогда не было, при том что в настоящее время истинно то, что это убийство когда-то действительно произошло.

(Стоит еще раз подчеркнуть, что мы говорим сейчас о не том, что нам *известно* об этом событии, а о том, как оно происходило на самом деле. Может оказаться, что многое из того, что мы (думаем что) знаем об этом убийстве, не соответствует действительности, и даже что вся эта история является выдуманной и что убийства Цезаря (а, может быть, и самого Цезаря) никогда не было. Однако это будет значить, что меняется не действительное событие и истинностные значения утверждений об этом событии, а наши знания об этом событии и об истинностных значениях соответствующих утверждений.)

Не так легко сказать, появляются ли события когда-либо на свет, или же они существуют вечно. На первый взгляд кажется правдоподобным, что события рождаются именно тогда, когда они происходят, а затем всегда продолжают существовать (как греческие боги), воплощая человеческую мечту о бессмертии. Однако такое странное поведение событий не только не согласуется с современной физикой, но и заставляет усомниться в неизменности и бессмертии событий, поскольку, как мы уже говорили, естественно ожидать, что все рожденное когда-нибудь умрет. С другой стороны, чтобы признать события вечными, нужно допустить, что все будущие события уже в каком-то смысле существуют, а такое допущение означает некоторую форму детерминизма (во всяком случае - онтологический детерминизм: мы признаем, что будущее предопределено, хотя знание о будущем может оказаться принципиально недоступным). Многим эта цена не кажется слишком высокой, и детерминизм в отношении будущих событий является распространенным взглядом.

Таким образом события оказываются идеальными производителями истины: они не меняются и не исчезают. Даже если события не вечны, а когда-то возникают, это не влияет на производство истины в будущем, на которое направлена наша эпистемологическая забота о выживании знаний. То, что Платон надеялся найти на небе, Фреге и его последователи нашли прямо на земле. Если Платон изобретал для вечных идей свой специальный мир, Фреге и его последователи поместили вечность прямо в мир изменений, порождений и разрушений. Не слишком ли все это хорошо, чтобы быть правдой?

Конечно, можно привести много аргументов против того, чтобы считать события вечными и неизменными вещами. Одно возражение такое. Согласно общей теории относительности, не существует универсальной системы координат, с помощью которой можно было бы отождествлять все события прошлого, настоящего и будущего по их времени и месту. А это значит, что Фрегевский рецепт приготовления вечных утверждений действует только локально, то есть, что Фрегевские предложения получаются не вечными, а только локально устойчивыми (в пространстве-времени).

Более общее возражение состоит в замечании, что вечность и неизменность событий в принципе нельзя мыслить таким же образом как вечность и неизменность объектов (или их форм) - как если бы события были объектами, которые вечно существуют и не изменяются. Главное отличие состоит в том, что если в некоторое время объект или форма существуют, то они существуют *целиком* во всякий момент этого времени, тогда как события *длятся* во времени, и всякий момент события, вообще говоря, представляет собой только бесконечно малый *элемент* этого события. (Впрочем *моментальные* события и объекты или формы, существующие в течении единственного момента времени, оказываются одним и тем же.) Принимая во внимание это замечание, можно предположить, что производство истины может действовать на расстоянии в пространстве и во времени. В частности, можно предположить, что утверждение *Брут убил Цезаря* делают истинным не какие-то вещи, существующие здесь и сейчас, а вещи, существовавшие (или происходившие) в прошлом. Такое предположение кажется тем более правдоподобным, что на самом деле любое утверждение, выражающее некоторый *факт*, делается уже после того, как произошли события, которые делают это утверждение истинным (с предсказаниями происходит наоборот). С другой стороны, допустить, что производство истины происходит безотносительно к пространству и времени значило бы отказаться от любой реалистической теории истины, в частности, от причинной теории истины. Реалистическая точка зрения состояла бы в том, что прошлые и будущие события могут делать истинными утверждения только в пределах некоторой открытой пространственно-временной области. Однако это не решает вопроса об онтологическом статусе событий.

Я не буду здесь дальше углубляться в вопросы онтологии форм и событий, а затрону другой аспект эпистемологической проблемы. Аргументы Платона и Фреге в пользу существования вечных сущностей по своей форме подобны религиозным аргументам в пользу вечной жизни. Эти аргументы устроены так: жизнь потеряла бы смысл, если бы не было вечной жизни, поэтому вечная жизнь есть; подобным образом: наука потеряла бы смысл, если бы не было вечных вещей и вечно истинных утверждений, поэтому такие вещи есть. Я не хочу сказать, что форма

этих аргументов такова, что мы должны их отбросить независимо от их содержания. Я хочу сделать другое: поставить под вопрос предпосылку, согласно которой в науке нам нужны вечные утверждения.

Не надоест ли жить вечно?

Идея о том, что знание должно представлять собой набор вечных истин, которые подобно египетским мумиям сохранялись бы неизменными неограниченно долго, многократно оспаривалась. Мы любим новые открытия и не любим повторять давно известные вещи. Смысл науки мы склонны видеть скорее в духе исследования, в загадках, проблемах противоречиях и спорах и, а не в сохранении и распространении старых истин. Последнее мы с готовностью объявляем догматизмом, и говорим, что догматизм чужд духу настоящего научного исследования. Когда дело касается науки и знания *бегство от вечности* становится такой же фундаментальной заботой, как и *погоня за вечностью*. (Не обстоит ли дело таким же образом и в том, что касается человеческой жизни?)

Тем не менее, никто пока не предложил удовлетворительного способа заниматься наукой и приобретать знания, обходясь *без* вечных истин. Как можно рационально дискутировать по поводу какого-либо научного тезиса, если истинностное значение этого тезиса будет независимо от нас меняться во время дискуссии - просто в результате происходящих в мире изменений? Подобные вещи происходят в политических и других практических дискуссиях, которые проходят в реальном времени обсуждаемой ситуации - когда утверждения изменяют истинностные значения и даже свой смысл в результате изменения этой ситуации, которую, вообще говоря, полностью никто не контролирует. Однако в науке мы этого стараемся избежать. Поскольку наука занимается процессами, которые в отличие от политических процессов могут происходить намного быстрее или намного медленнее процессов человеческой жизни, речи и мышления, развивать науку в реальном времени этих процессов невозможно. (Представим себе, что мы начинаем проводить доказательство, исходя из истинных посылок, но что ко времени

завершения доказательства посылки перестают быть истинными - даже при условии, что правила вывода сохраняются неизменными.)

Подобно тому, как с помощью микроскопов и телескопов получают изображения микро- и макроскопических объектов, имеющие обычные размеры (порядка размеров человеческой особи), научный дискурс позволяет в течении получаса рассказывать историю из жизни элементарных частиц, которая в реальности длится миллиардные доли секунды, или историю народов или галактик, которая в реальности длится сотни или сотни миллионов лет. Кажется, что представление о вневременном характере научных истин, как и представление о том, что время в некотором смысле вообще нереально, служит именно этой цели - добиться универсальной сравнимости (по скорости) любых реальных процессов с процессами речи и мышления. Но не является это упрощенным и неудовлетворительным решением? Скорее нам нужна эпистемологическая теория, которая объясняла бы возможности научного дискурса производить такое временное масштабирование и выявляла бы существующие ограничения, подобно тому как оптика объясняет работу микроскопа и телескопа.

Так или иначе, обычное отношение ученых к вечным истинам и вечным сущностям - это смесь любви и ненависти. Ученые знают несколько способов уходить от этого фундаментального противоречия. Самый популярный способ - это рассказать историю о потенциально бесконечном «приближении» к истине. Говорят, что как бы много мы уже ни знали, мы всегда можем узнать больше и лучше. Эта история, с одной стороны, позволяет уважать вечные истины в виде уже полученного знания, а с другой стороны, она гарантирует непрерывный поток новых открытий. Мне кажется, что это нечестная игра. Мы хотим (или говорим, что хотим), чтобы наши знания были как можно более полными и точными, мы хотим знать все о мире, но в то же время мы хотим иметь гарантию того, что эта цель никогда не будет на самом деле достигнута, поскольку в противном случае мы потеряем наш любимый исследовательский дух и ощущение новизны, которое дают нам научные занятия. Если именно в этом состоит смысл Платоновского *Эроса* как мотива

научного исследования, то не стоит ли нам вообще отказаться от научного исследования как от инфантильного и безответственного отношения к реальности? Поппер предложил новую версию этой двойной морали, вытесняющую любовь к истине в область скрытых табуированных желаний. Чтобы избежать вечно истинных догм, он предлагает надеяться на то, что все утверждения, которые в настоящее время считаются истинными, со временем окажутся ложными. (При этом Поппер имеет в виду, не то, что истинные утверждения станут ложными, а что те утверждения, которые мы *считаем* истинными, мы по каким-то разумным причинам станем считать ложными.) Чтобы эта надежда не оказалась тщетной, Поппер предложил заранее исключить из науки любые утверждения, которые кажутся слишком достоверными, чтобы мы могли представить себе, что они на самом деле ложны. Безопасный способ заниматься наукой по Попперу состоит в том, чтобы выдвигать ложные гипотезы, опровергать эти гипотезы фактами, и заменять их другими ложными гипотезами. Говорить правду рискованно - и в этом Поппер, конечно, прав.

Повторение

Теперь я хочу предложить свой способ примирить любовь и ненависть к вечности в эпистемологических вопросах, который представляется мне более удачным. Идея состоит в следующем. Самые существенные изменения в науке происходят не тогда, когда становятся известными новые факты или уточняются ранее известные вещи, а когда старые знания *пересматриваются* начиная со своих оснований - именно в этом состоят научные *революции*. Но это значит, что старые знания в некотором смысле заново *повторяются* - новым и нетривиальным способом. Такого рода повторение с одной стороны, всегда дает нам желанную новизну, а с другой стороны, позволяет отождествлять новое знание со старым и, следовательно, позволяет знанию сохраняться и продолжаться в обновленном виде. Даже отказываясь от идеи о том, что такое повторение может происходить вечно, мы можем быть заинтересованы в том, чтобы оно продолжалось как можно

дольше, не отказываясь ни от любви к новым открытиям, ни от ненависти к старым догмам.

Понятие повторения является фундаментальным для проблем, которые мы выше обсуждали. Тождество утверждения основывается на отождествлении различных высказываний, посредством которых выражается это утверждение. Произведя такое отождествление мы затем можем сказать, что в каждом из отождествляемых высказываний *повторяется* соответствующее утверждение. И хотя одно и то же утверждение можно выразить разными словами, этот вид повторения все же является относительно тривиальным. Менее тривиальный вид повторения имеет место, когда повторяют *одно и то же рассуждение*, например, когда разные люди доказывают одну и ту же математическую теорему (не обязательно даже независимо). Различные формулировки одного и того же доказательства допускают гораздо более широкие и интересные вариации, чем различные формулировки одного и того же утверждения. Следующий шаг состоит в том, чтобы различным образом сформулировать *одну и ту же теорию*.

Переформулировка теории может быть уже по-настоящему интересным результатом: подумай о матричной и операторной формулировках квантовой механики или о переформулировке классической синтетической геометрии на аналитический язык, предпринятой Декартом и его последователями. Наконец, пересмотр наиболее общих теоретических принципов, имеющих отношение не только к определенной теории, но к целой системе теорий может приводить к научным революциям и удивительным обновлениям мысли. Стоит, как мне кажется, обратить более серьезное внимание на тот факт, что несмотря на все научные революции в физике, у нас все таки есть основания считать, что физика в античности и физика сегодня - это *одна и та же дисциплина*. Тем более это очевидно для философии, несмотря на то, что пересматривать основания и опровергать предшественников - это обычное дело, которым занимается каждый работающий философ.

Что можно с этой точки зрения сказать по поводу Фрегевских вечных истин, то есть вечно истинных утверждений? Конечно, в науке нам нужны утверждения,

истинностные значения которых достаточно стабильны, чтобы они могли быть предметом и средством рациональной дискуссии. Более долговременные истины (длительностью не менее академического года), возможно, необходимы для образования. Однако нам вряд ли нужны вечные истины и даже утверждения, остающиеся истинными сколь угодно долго. Как я уже говорил, тождество утверждения является относительно тривиальным, и поэтому о нем не следует чересчур много заботиться - так же как не следует слишком много заботиться о тождестве слов и формулировок. Речь идет не о том, что эти тождества должны соблюдаться только приблизительно; нет, они должны соблюдаться строго, мы не должны путать ни слова, ни утверждения. Однако эти тождества должны быть строго *локализованы*. Абсолютная стабильность языка и формулировок может быть полезной для догматического воспроизведения каких-нибудь текстов, но она мешает или даже делает невозможным возникновение таких тождеств как тождество рассуждения или тем более тождество теории.

Учитель просит ученика пересказать материал учебника «своими словами». Если ученик обладает идеальной памятью и воспроизведет слово в слово текст учебника, учитель заподозрит неладное и задаст вопросы на понимание. А что если в распоряжении учителя будет только конечный набор вопросов, на каждый из которых у ученика будет готов зазубренный ответ? Кажется, что в такой ситуации никакое разумное рассуждение, и следовательно, никакое теоретическое знание было бы невозможно. Чтобы возникло тождество рассуждения, тождества слов и формулировок (то есть наборов слов) должны быть в каком-то смысле принесены в жертву. Я не уверен, что мы могли разумно рассуждать, если бы мы обладали такой же «идеальной» памятью, какой обладает любое примитивное запоминающее устройство.

Подобные аргументы можно высказать и в отношении утверждений, имеющих стабильные истинностные значения. Конечно, мы заинтересованы в накоплении фактов так же как в сохранении старых текстов и других старых вещей, однако не нужно забывать, что стабилизация фактов и текстов, может мешать появлению более динамичных и более стабильных тождеств, таких как тождество теории и

тождество научной дисциплины (и, возможно, «тождество идеи», о котором говорил Платон).

Вместо того, чтобы считать любые утверждения знания опровержимыми гипотезами, втайне мечтая о том, что они окажутся вечными истинами, или наоборот, считать их вечными истинами, втайне надеясь на то, что их удастся скоро опровергнуть, мы должны научиться обращаться с локально истинными утверждениями, то есть с утверждениями, стабильность которых (и стабильность их истинностных значений) ограничена в пространстве и во времени. Главная задача на пути реализации этого проекта - научиться соотносить друг с другом утверждения с разными (но близкими) областями стабильности. Возможно, для этого могут быть использованы математические средства, решающие подобную проблему для локальных координатных систем.

Какая онтология отвечает такому вечно обновляемому знанию? Принцип производства истины в своем первоначальном виде в этом случае не достаточен, поскольку он относится только к истинным *утверждениям*. Можно ли распространить этот принцип на случай истинной *теории*? Я склонен ответить положительно, но пока у нас нет хорошего определения истинной теории, мы не можем рассчитывать на хорошую переформулировку этого принципа.

Смысл смерти

В заключении я хочу вернуться к моральным вопросам, используя аналогию между биологическим и эпистемологическим выживанием в обратном порядке.

Формулируя эту аналогию в новых терминах, мы можем сравнить выживание индивида с выживанием утверждения. Конечно, эта аналогия приближительна: выживание индивида можно сравнить и с выживанием научной теории. Однако какие бы термины не выбирать для сравнения, можно попытаться применить к человеческой жизни наш вывод о том, что локализация некоторых тождеств в пространстве и времени может быть условием существования тождеств другого рода, в частности, более стабильных (то есть имеющих большую область стабильности). В биологическом смысле эта аналогия, безусловно, работает:

ограниченность жизни индивидов обеспечивает большую стабильность биологического вида, в частности, человечества: если бы человечество состояло из ограниченного набора индивидов, неспособных к деторождению, оно бы скоро вымерло. Однако моральный смысл этого аргумента состоит вовсе не в универсальном приоритете общего над индивидуальным (в науке слова и факты могут выживать дольше, чем научные теории), а скорее в том, что смерть не обязательно является бессмысленной, даже если она не является переходом в новую вечную жизнь. Это относится как к индивидам, так и к человеческим сообществам и даже ко всему человечеству. По аналогии с наукой мы можем предположить, что ограниченность человеческой жизни, жизни человеческих сообществ и вероятная ограниченность времени жизни человечества как биологического вида могут быть условиями существования мысли и жизни как таковых и появления новых форм мысли и жизни. Отсюда, разумеется, не следует, что смерть всегда оправдана, так же как вовсе не всегда оправдана забытая формулировка из учебника. Смерть может оказаться бессмысленной как и жизнь. Жизнь как и знание может быть бессмысленно уничтожена. Вопрос состоит не в том, быть или не быть, а в том, как именно делать и то, и другое.